

ЕВРОПЕЙСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА EUROPEAN COLONIAL POLICY

DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.041
УДК 94(44)“1794/1815”

Алан Форрест^{1, 2}

¹ *Университет Йорка*
Йорк, Великобритания

² *Государственный академический
университет гуманитарных наук*
Москва, Россия

РАБСТВО И ЕГО ОТМЕНА: «СЛЕПАЗ ЗОНА» НАПОЛЕОНА?

Наполеон с гордостью считал себя реформатором, несшим в завоеванные земли новые институты, созданные преобразованиями Французской революции, французские стандарты управления, законодательства и образования. Однако в том, что касалось колониальной политики, его образ выглядит довольно блекло. В 1794 г. Франция стала первой страной в мире, отменившей не только атлантическую работорговлю, но и сам институт рабства, и провозгласившей, что африканские рабы так же обладают правами человека, как и все остальные люди. Такой шаг стал ответом на обстоятельства военного времени и на восстание рабов в Карибских колониях Франции, приведшее к утрате ею острова Сан-Доминго, главного производителя сахара в мире. Все это поставило перед Наполеоном Бонапартом сложнейшую военную, экономическую и моральную проблему. Судя по предложенному им весьма амбивалентному ее решению, можно прийти к выводу, что для него колонии были только источником прибыли и что вопросы рабства и аболиционизма его глубоко не трогали. Он прислушался к торговому лобби и постарался силой решить экономическую проблему, отправив на Карибы армию и попытавшись — неудачно — подавить восстание. Не осудил он работорговлю и после того, как она была запрещена Великобританией и США. Лишь в 1815 г., после своего возвращения с острова Эльба, он подписал декрет, решительно запрещающий работорговлю, но лишь для того, чтобы, представ либералом, завоевать общественное мнение. Это был вопрос политики, а не убеждений или морали.

К л ю ч е в ы е с л о в а: рабство; аболиционизм; Наполеон Бонапарт; Французская революция; работорговля

Благодарности

Исследование выполнено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

Ц и т и р о в а н и е: *Форрест А.* Рабство и его отмена: «слепая зона» Наполеона? DOI 10.15826/izv2.2020.22.3.041 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 9–26.

Поступила в редакцию: 31.05.2020

Принята к печати: 14.07.2020

Alan Forrest^{1,2}

¹*University of York*

York, United Kingdom

²*State Academic University
for the Humanities*

Moscow, Russia

SLAVERY AND ABOLITION: A NAPOLEONIC BLIND SPOT?

Napoleon prided himself on being a modernizer, bringing a new sophistication to the lands he conquered by building on the reforms of the French Revolution and introducing French standards of governance, justice and education. But in one sphere, that of colonial policy, that image is tainted. In 1794 France had been the first country in the world to abolish not only the Atlantic slave trade but the institution of slavery itself, proclaiming that the rights of man applied to African slaves as it did to the rest of humanity. It did so in response to war and slave insurrections in France's Caribbean possessions, which led in turn to the loss of the world's richest sugar island, Saint-Domingue; and Napoleon was faced with huge military, economic and moral dilemmas. From his very ambivalent response one must conclude that for him colonies were simply a source of profit, and that the issue of slavery and abolition did not deeply concern him. He listened to the colonial lobby and tried to enforce mercantilist solutions; he sent an army to the Caribbean to try — unsuccessfully — to quell the rebellion; and he showed little interest in condemning the slave trade after it was abolished in Britain and the United States. Only in 1815, following his return from Elba, did he sign a decree unambiguously embracing abolition, but by then he was burnishing his liberal credentials in an attempt to woo public opinion. It was a matter of politics, not of belief or morality.

К е y w o r d s: slavery; abolition; Napoleon Bonaparte; French revolution; slave trade

Acknowledgements

Research for this article was funded with the support of project № 14.Z50.31.0045 from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

For citation: Forrest, A. (2020). Rabstvo i ego otmena: "slepaia zona" Napoleona? [Slavery and Abolition: A Napoleonic Blind Spot?]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 3 (200), 9–26. doi: 10.15826/izv2.2020.22.3.041

Submitted: 31.05.2020

Accepted: 14.07.2020

Аболиционизм Наполеона

29 марта 1815 г., вернувшись с Эльбы, Наполеон издал указ, формулировки которого могут показаться решительными и недвусмысленными. Работоторговля подлежала запрету. Отныне ни одно судно не должно было отправляться за невольниками: ни из французских портов, разбогатевших на работорговле — Нанта, Бордо, Ла Рошели, Гавра, ни из французских колоний. Отныне африканцы не подлежали покупке или продаже. Ни один корабль — ни французский, ни иностранный — не имел права доставлять их на территорию Франции с целью продажи в рабство. Всякий капитан, уличенный в нарушении этого закона, карался конфискацией судна и груза. Либеральный подход одержал верх, и после многолетней неопределенности Франция, казалось, решила сдержать хотя бы некоторые из обещаний революционеров 1790-х гг. Была предусмотрена лишь одна уступка, и она касалась работорговцев, чьи корабли уже отправились в путь: им было дозволено, в качестве исключения, завершить маршрут и по прибытии в Америку продать свой живой груз [Branda, Lentz, p. 345]. Этот указ Наполеона стал одним из первых, изданных им по возвращении во Францию. Таким образом, император демонстрировал своим сторонникам, а заодно и более широким кругам европейской общественности, что после возвращения с Эльбы он является либералом, прогрессистом и сыном Революции, что на него можно положиться в вопросе прав человека и что он вносит свой вклад в уничтожение рабства. Возможно, он хотел, чтобы о нем думали именно так. Но, как и в очень многих других решениях Наполеона, этот указ нес в себе мощный пропагандистский заряд: стремление обеспечить себе желанное место в истории играло в появлении этого акта ничуть не меньшую роль, чем стремление помочь тем, кого поработила Франция. Историками показано, как Наполеон использовал картины и другие визуальные образы для укрепления своей репутации героя, спасителя и освободителя; то же касается и его обращений к журналистам. По словам Филипа Двайера, Наполеон хорошо знал, «как эксплуатировать преобладающее настроение общественности» [Dwyer, p. 380]. Слова выбирались им обдуманно, становясь оружием в борьбе за легитимацию власти. Поэтому при чтении наполеоновской прокламации о запрете работорговли сложно избежать подозрения в циничном умысле [Tsouras, p. 285].

Однако обстоятельства 1815 г. были исключительными, и мы имеем право задаться вопросом, был ли новообретенный либерализм всего лишь попыткой добиться поддержки восстановления империи со стороны части избирателей или же чем-то большим. Политический климат во Франции существенно

изменился со времен Консульства, и Наполеон, вернувшись с Эльбы и пройдя через Дофине и Бургундию, где по пути завоевал поддержку армии, знал, что в столице ему предстоит заново возводить несущие конструкции своей власти. Если он мог рассчитывать на некоторую поддержку со стороны военных, то в гражданском обществе консерваторы встали на сторону Бурбонов и белого знамени легитимизма. У Наполеона, таким образом, не оставалось иного выбора, кроме как апеллировать к либералам и республиканцам, а для этого он должен был на деле доказать свой либерализм.

В этом контексте рабовладение отнюдь не было второстепенным вопросом. Призывы к отмене рабства все громче звучали как во Франции, так и за ее пределами, и иностранные правительства начали требовать реформ. В 1814 г., во время первой Реставрации, Людовик XVIII высказался в пользу отмены рабства, и сразу громче зазвучали голоса аболиционистов, в том числе и тех, кто в 1790-е гг. поддерживал республику. После того, как Великобритания и Соединенные Штаты запретили работорговлю в 1807 г. и 1808 г. соответственно, возросло иностранное давление на Францию, требовавшее, чтобы она тоже последовала этому примеру.

Вставая на сторону аболиционистов, Наполеон показывал, что реагирует на общественное мнение в стране, и успокаивал своих противников за ее пределами. Но было ли это всерьез? Действительно ли он встал на сторону аболиционистов? Если, по утверждениям Кондорсе, Рейналя и других дореволюционных авторов-просветителей, ликвидация рабства и превращение рабов в наемных батраков являются свидетельством просвещенности и модернизации, то в какой степени взгляды Наполеона на рабство соответствуют его притязаниям на звание одного из величайших реформаторов своего поколения? [см.: Condorcet; Raynal; Raynal's Histoire...]. Известно, что он был поборником судебной и административной реформ, преобразования церкви, армии и профессиональной жизни. Находилась ли тема рабовладения в поле его зрения или оказалась для него в «слепой зоне»? На этот вопрос трудно ответить, не изучив, какой политики в вопросах рабства придерживались предшественники Наполеона, сформировавшие экономический и моральный климат, в котором вырос будущий император.

Рабство — источник процветания Франции Старого порядка

Работорговля ни в коей мере не являлась каким-то табу в период Старого порядка. Более того, в последние его десятилетия рабство было одним из главных двигателей коммерческого роста, и мало было тех, кто отрицательно относился к торговле живым грузом. Взлет французской работорговли был внезапным и бурным. До конца XVII в. французские корабли не играли какой-либо заметной роли в атлантической торговле невольниками. Все изменилось после 1713 г., когда был положен конец монополии Гвинейской компании. Опираясь на щедрые субсидии королевской власти, французские портовые города инвестировали в работорговлю серьезные средства. В 1716–1793 гг. французские

суда перевезли в Америку более миллиона африканцев. В последние 15 лет этого периода они в среднем перевозили по 24 тыс. рабов в год [Eltis, Richardson, p. 26–27].

Рабство лежало в основе системы производства, обеспечивавшей европейцев растущими объемами сахара, кофе и индиго, и Французская колониальная империя зависела от него в гораздо большей степени, чем Британская. Главным портом работорговли, бесспорно, был Нант, хотя в последние годы Старого порядка он ощущал все более сильную конкуренцию со стороны Гавра [Delobette, p. 53] и особенно Бордо [см.: Saug  ra]. Доходы от торговли невольниками, поступавшие в порты, конечно же, обогащали торговые центры и поместья по всей Франции. Работорговля играла важнейшую роль в национальной и региональной экономике.

После крушения Французской Ост-Индской компании и прекращения французского влияния в Индии колонии в Карибском море стали играть еще более важную роль в обеспечении метрополии колониальными товарами. Разрушение Чандернагора войсками Британской Ост-Индской компании в 1757 г. стало сокрушительным ударом, от которого Французская Индия уже не оправилась. Как сообщает в данной связи Жан Ло, директор одной из французских факторий в Индии, главный торговый пункт французской компании закрылся, и некогда процветавшее поселение было обращено в руины [Dalrymple, p. 117–118].

Французская революция и вопрос о рабстве

Во время Революции Франция стала первой в мире страной, отменившей как работорговлю, — казалось, вопреки своим собственным экономическим интересам, — так и сам институт рабства. Это позволило ей позиционировать себя в качестве самой прогрессивной страны мира в том, что касается рабовладения. И хотя революционерам действительно было чем гордиться, мы должны принимать во внимание те обстоятельства, в которых было принято решение об отмене рабства. Оно стало не столько данью универсальным правам человека, сколько военной мерой, принятой в кризисной ситуации. Два французских комиссара на Сан-Доминго получили возможность использовать декрет Конвента об отмене рабства для того, чтобы привлечь чернокожее население острова на сторону Франции в борьбе против испанцев и англичан. В этом смысле декрет стал запоздалой реакцией на уже существующее положение дел, хотя, конечно, его сторонники, и, в первую очередь, Общество друзей негров, прославляли его как воплощение революционных принципов.

В то же время многие белые плантаторы и купцы колоний и портов атлантического побережья проклинали декрет, называя его предательством и утверждая, что он обязательно приведет к крушению колониальной экономики. Французское общественное мнение в 1794 г. отнюдь не было однозначно антирабовладельческим; многие продолжали относиться к рабству индифферентно, а другие видели в отмене рабства верный путь к экономической катастрофе и долгому упадку.

Иные шли еще дальше, утверждая, что представители фракций, отрицающих принцип этнического неравенства, не являются истинными либералами и сынами Просвещения, что они лишь изменники, находящиеся на содержании иностранных правительств, которые стремятся подорвать процветание Франции, возможно, ради собственной выгоды. Первой в списке подозреваемых, как всегда, значилась Англия — главная соперница Франции в колониальной торговле, распространявшая в это время множество ярких abolitionистских памфлетов, где живописались ужасы перевозки рабов из Африки в Америку, а материальной выгоде противопоставлялись христианские принципы. Такие гравюры, как та, что изображала невольничий корабль «Брукс» с палубами, заполненными живым товаром, широко ходили во Франции и производили неизгладимое впечатление на либерально настроенных французов [Chatillon, p. 135–147]. Подозрения в отношении Англии, отнюдь не всегда беспочвенные, не прекратились и в XIX в. [подробнее см.: Jennings, 1988]. Французские торговые сообщества имели хорошую память и не забывали о потерях, которые они понесли от Англии в ходе Семилетней войны. Их колонии вновь казались уязвимыми. «Наши торговые суда плавают без защиты; наши колонии в Америке не получили приказа подготовиться к обороне, а их гарнизоны еле дотягивают до норм мирного времени; Индия покинута; африканские берега беззащитны перед самыми различными провокациями», — говорилось в обращении купцов Нанта к Национальному собранию от 15 сентября 1790 г. [Archives Départementales Loire-Atlantique, 1 ET A 27]. Война и отмена рабства дополняли друг друга: требовался эффективный ответ на обе эти угрозы.

В 1790-е гг. ни одна страна не последовала примеру Франции ни в запрете работорговли, ни в отмене рабства в своих колониях. И даже на производящих сахар островах Франции действие декрета было ограниченным: рабство упразднили в Сан-Доминго и временно на Гваделупе, но во всех остальных колониях оно продолжало действовать, причиной чему стали превратности войны: несколько антильских колоний Франции, в частности Мартиника, были захвачены англичанами или испанцами. Кроме того, соседние острова — Ямайка, Куба, Тобаго — находились, разумеется, вне поля действия французского законодательства. Невольничьи суда по-прежнему бороздили волны Атлантического океана, рабов продолжали доставлять из Африки в Америку, а колониальные товары — из Америки в Европу. Французская инициатива лишь в слабой степени повлияла на плантаторскую экономику, поскольку Испания и Португалия продолжали контролировать водное пространство между Западной Африкой и своими колониями — Кубой и Бразилией.

Цена гуманизма

Многие считали, что отмена Конвентом рабства не принесла ничего, кроме вреда Франции, и Наполеон отнюдь не был глух к этому мнению. Французские купцы, плантаторы и администраторы, сожалевшие о потере торговых выгод

и считавшие, что человеколюбие, проявленное революционерами, не помогло никому, кроме конкурентов Франции, неоднократно оказывали давление на Первого консула. Некоторые даже утверждали, что рабовладение — это гуманная система, ведь капитаны кораблей и плантаторы заинтересованы в том, чтобы кормить своих невольников и поддерживать их в добром здравии. Особенно важно, что тысячи рабочих мест зависели от рабовладения [см.: *Bibliothèque Municipale La Rochelle*. 11877 C. *Précis sur l'importance des colonies et sur la servitude des Noirs*. La Rochelle, 1789].

Все эти аргументы могли показаться убедительными особенно потому, что отмена рабства, война на море и утрата Сан-Доминго привели к затяжному спаду атлантической экономики Франции. Выросла безработица, причем не только среди моряков, но и во множестве отраслей, зависимых от портов. На протяжении всего XVIII в. города как магнитом притягивали к себе население окружающих регионов. Революция же ознаменовала снижение численности населения и необходимость урезания расходов. С 1790 по 1801 г. население Парижа сократилось с 620 тыс. до менее 550 тыс.; Лиона — со 150 тыс. до примерно 102 тыс.; Бордо — со 120 тыс. до 93 тыс. чел. [Poussou, p. 976].

Свидетельства иностранных купцов, дипломатов и путешественников, посетивших атлантические порты Франции в эти годы, очень красноречивы. В 1809 г. американский консул в Бордо был ошеломлен тем, в какой упадок пришел город. В торговых кругах, по его словам, «нет ничего, кроме отчаяния и нужды». Он продолжал: «Трава растет на улицах города. Его прекрасный порт покинут: в нем лишь две рыболовные шхуны из Марблхеда и три-четыре пустых корабля, качающиеся на волнах» [Meaudre de Lapouyade, p. 169–170].

Подробный рассказ о своем путешествии оставил немецкий пастор Лоренц Майер, предпринявший летом 1801 г. поездку из Парижа в Бордо. «Прежнему величию Бордо пришел конец, — печалился он, — это сразу видно, куда ни посмотри. На бирже по-прежнему толпятся купцы, но большинство из них находится там лишь по привычке. Какие-либо дела редки. Единственное, что не исчезло — внутренняя торговля вином», и то лишь потому, считал он, что виноторговцы могут диверсифицировать свою деятельность и продавать другие товары, что позволяет им более или менее держаться на плаву. Эта война, по словам Лоренца, не была похожа на прежние войны XVIII в., после которых портовые города быстро возвращали себе прежний блеск. Негоцианты и капитаны кораблей, некогда горделивые, теперь спасаются от разорения, перевоза фрукты. В его голосе звучит сожаление, когда он задает риторический вопрос: «В былые времена кто бы из них стал прикладывать неимоверные усилия, чтобы получить заказ на продажу слив?» Действительно, кто? Лоренц имеет в виду, что в мире, в котором торговля и коммерческое благополучие были принесены в жертву революции и войне, ни у кого нет иного выбора, кроме как попытаться выжить любым способом [Ibid.].

Идеалы и экономика: выбор Наполеона

Наполеон всегда воспринимал заморские колонии Франции как источник дохода: едва ли для него когда-либо убедительно звучали аргументы в пользу свободы торговли. И он понимал, к каким бедствиям приводит подобное обнищание, какие это может иметь последствия для казны и для финансирования войны. Прислушивался Наполеон и к колониальному лобби, которое, располагая могущественными друзьями в его ближайшем окружении, требовало для жителей колоний особого статуса без уравнивания их с гражданами Франции. Первым признаком того, что их аргументы звучали для Наполеона убедительно, стала принятая в 1799 г. конституция Консульства. В отличие от предыдущего основного закона, она содержала совершенно беспрецедентное положение о том, что предназначена лишь для самой Франции и не касается заморских территорий, которые будут управляться по своим собственным законам. Новая конституция недвусмысленно указывала, что колонии и их население — это «другие» и что для каждой колонии должен существовать свой свод законов. Географические и экологические особенности («природа вещей и климат»), культурные различия (в «обычаях, традициях, интересах») и характерные экономические принципы — «разнообразие» их сельского хозяйства и промышленного производства — все это означало, что французские колонии, находящиеся в разных частях света, должны иметь свои «особые» законы, написанные в Париже. А еще это означало, что жители колоний уже не будут пользоваться такими же правами, как граждане Франции, и утратят представительство во французском парламенте.

Новая конституция сильно встревожила жителей Антильских островов. По наблюдению Лорана Дюбуа, изменения в ней в точности соответствовали тому, чего на протяжении всей Революции добивались плантаторы и сторонники рабства, а потому многие жители колоний боялись, что французское правительство собирается восстановить рабовладение [Dubois, 2004b, p. 352]. Планировал ли Первый консул это сделать? Он никогда определенно не говорил, что собирается это сделать. Более того, он несколько раз заявлял, что не будет восстанавливать рабство на территориях, где оно было отменено. Но если у него и была ясная цель в колониях в первые годы Консульства, то состояла она в том, чтобы восстановить сахарные плантации Антильских островов и вдохнуть новую жизнь в американские владения Франции. А как было добиться этого без рабовладения? Или без завоевательной политики, все более необходимой с каждым годом? На Гваделупе и в Сан-Доминго Бонапарт имел дело с мятежниками, с открытым восстанием. Не могло ли и это повлиять на его отношение к американским колониям и восстановлению рабства?

Возможно, именно поэтому в 1802 г. он одобрил план вернуть Сан-Доминго силой и восстановить французскую власть на острове. Этот план предполагал не только снаряжение военной экспедиции Леклерка и отправку шести тысяч французских солдат на острова Карибского моря, но и восстановление некогда процветавшей экономики сахарных плантаций и новое порабощение

их чернокожего населения. С бывшими рабами Сан-Доминго этого, правда, сделать не удалось; они пошли за Туссеном Лувертюром, принявшим решение сопротивляться требованиям Наполеона. Им помогли климат и желтая лихорадка, погубившие бóльшую часть войск Леклерка. Сан-Доминго разорвал все связи с Францией и в 1804 г. стал свободной негритянской республикой Гаити. После провозглашения независимости новое государство сознательно прекратило торговлю с бывшей метрополией, сделав ставку на внутриамериканские связи. А вот на Гваделупе рабство было восстановлено, как и во Французской Гвиане. На Мартинике же декрет об отмене рабства в действие так и не вступил [Popkin, p. 116–119].

Всё это подпортило репутацию Наполеона в Карибском бассейне и в значительной части англосаксонского мира. Мало кто видел в нем сторонника реформ в колониальных владениях. Он предпочел проигнорировать призывы Общества друзей негров и сочинения Томаса Кларксона, встав на сторону плантаторов и сторонников рабства из клуба Массиак [подробнее см.: Debien]. Репутация Наполеона среди либералов была подорвана, но, казалось, его это не волнует. Данное решение было для него не идеологическим, а сугубо прагматическим. Оно стало казаться бесповоротным, когда Наполеон продал Луизиану Соединенным Штатам и перестал обращать внимание на то, что происходит в Карибском море [Gleijeses]. Хотя он по-прежнему проявлял интерес к колониям в Индии и в Индийском океане, планы превращения Карибского моря во французское колониальное озеро после 1803 г. им уже не озвучивались. Эта ситуация повлияла также на его отношение к неграм и рабовладению.

Расовая проблема

Расовая тема не играла важной роли в высказываниях Наполеона относительно дел в Карибском море. Однако в них нашли отражение многие предрассудки, характерные для европейцев того времени. Речь идет прежде всего об определении гражданства. Когда началась Французская революция, плантаторы Антильских островов начали оказывать давление на Национальное собрание — на первых порах успешное, — добиваясь для колоний особого статуса в том, что касалось определения гражданства и политического представительства. Их целью было не давать политических прав свободным «цветным» (*gens de couleur*) и препятствовать отмене рабства. С этим особым статусом покончили Гаитянская революция 1791 г. и отмена рабства в колониях в 1794 г.

В течение нескольких лет Французская революция экспериментировала с институтом «имперского гражданства», в рамках которого все жители французских владений, как в Европе, так и в заморских колониях, могли претендовать на гражданство Франции. В самом деле, в ноябре 1797 г. Этьен Лаво, представитель Сан-Доминго в Совете пятисот, пресек попытку сторонников рабства отозвать декрет об освобождении рабов, заявив, что некогда поработанные жители колонии — французы по своей сущности. «За те пять лет, что я провел

командуя войсками в этих далеких землях, я убедился, — писал он, — что жители Сан-Доминго, живущие в двух тысячах лье от метрополии, действительно могут поступать неправильно и совершать ошибки; но я убедился и в том, что они никогда не откажутся от славного звания французских граждан». Он утверждал, что жители колоний скорее умрут, чем «отрекутся хотя бы от одной статьи Декларации прав человека». Отказывать бывшим рабам в правах гражданства на основании того, что многие из них родились не на французской земле, а в Африке, означало игнорировать тот факт, что они были насильно «вырваны из своей родной страны», в результате чего Сан-Доминго по умолчанию стало их «новым местом рождения». Таким образом, утверждал Лаво, их нельзя причислять к африканцам — к «другим». Они должны разделять те права, что принадлежат всем французам, где бы те ни находились [цит. по: *Slave Revolution...*, p. 156–158].

Однако гражданству не суждено было стать многорасовым. По всей видимости, Наполеон разделял мнение о культурных различиях и даже о несовместимости белых французов и негров, и, хотя на первых порах он, возможно, не испытывал желания восстановить рабство, его разгневало упорное сопротивление гаитян французам. «Как это возможно, — заявлял он, — что свободу дали африканцам, людям нецивилизованным, даже не знающим, что такое колония, что такое Франция?» [Dubois, 2004b, p. 352]. В наше время подобные слова звучат как приговор для сказавшего их, ведь за ними стоят культурные предрассудки о том, что африканцы — «другие», а также представления о цивилизации, общественном развитии и европейском верховенстве, уходящие корнями в стереотипы XVIII столетия и тексты Просвещения. Но опять же лучше не спешить с выводом, а задаться вопросом: «Действительно ли так думал Наполеон?» Ведь это тот самый Наполеон, который в других случаях, казалось, соглашался на освобождение рабов и искал сотрудничества с Туссеном Лувертюром в борьбе против других колониальных держав. Еще совсем недавно, в декабре 1799 г., он издал прокламацию, обращенную к тем, кого назвал «храбрыми чернокожими Сан-Доминго», уверяя их, что свободы, полученные ими в годы Революции, не будут принесены в жертву [Ibid.]. Его риторика, как видим, не была последовательной. А была ли последовательной его политика в отношении рабства и работорговли? Существуют ли какие-либо данные, указывающие на то, что он считал вопрос рабства делом совести?

Конечно, практические последствия его политики в Карибском море были очевидны всем, особенно после того, как он направил в Сан-Доминго войска под командованием своего зятя Шарля-Виктора-Эммануэля Леклерка с целью подавить выступления рабов и восстановить на острове французскую власть. Это отнюдь не выглядело как действия освободителя. Хотя на первых порах некоторые мулаты с Сан-Доминго встали на сторону Леклерка против Туссена и его негритянской армии, многие из них быстро разочаровались во французах с их откровенным расизмом, а некоторые даже перешли на сторону повстанческой армии.

В ноябре 1802 г. военачальник-мулат Пьер Канже, бригадный генерал в армии Леклерка, объяснял, почему его отношение к французам изменилось. По его словам, у него вызвали отвращение и расизм французов по отношению как к неграм, так и к мулатам, и жестокость, которую армия проявляла к представителям других рас. «Я понял, — написал он другому офицеру-мулату, — что их цель состоит в том, чтобы уничтожить всю расу негров и мулатов снизу доверху, в особенности самых образованных и богатых; думаешь, тебя, мой дорогой товарищ и брат, и всех остальных <...> они пощадят, потому что ты им нравишься? Они просто отложат уничтожение тебя, но, как только смогут, они всех вас перебьют». С точки зрения Канже, все действия французов, как солдат, так и плантаторов, все их мировосприятие было основано на расизме. Истребляя тысячи мирных жителей, в том числе женщин и детей, французы щадили только белых. «Почему же?» — задавал он риторический вопрос. И приходил к единственному логичному выводу: «Все дело в цвете их кожи» [цит. по: *Slave Revolution...*, p. 186–187].

Многозначительное молчание

Наполеон редко выражал свои личные взгляды на вопрос рабства. Молчание, которого он придерживался по этому вопросу в своей объемистой переписке, выглядит весьма многозначительно. Даже в 1815 г., когда он издал декрет о запрете работорговли, Наполеон не проявил личного интереса к вопросу: его переписка в предшествовавшие дни была почти полностью посвящена организации военного снабжения Франции и ее обороны с моря. Может показаться, что он был далек от того, чтобы думать о либеральных реформах в колониях [см.: *Vonaparte*, p. 671–723]. Возможно, некоторое представление о том, что лежало в основе политики Наполеона в Карибском море, можно получить из его инструкций Леклерку, составленных в 1800 г. Вот что он писал:

Моя политика состоит в том, чтобы управлять людьми так, как большинство из них того хочет. Я прекратил войну в Вандее, став католиком; я обосновался в Египте, став мусульманином. Поэтому я буду говорить о свободе в свободной части С[ан]-Д[оминго]; я сохраню рабство на острове Иль-де-Франс и даже в порабощенной части С[ан]-Д[оминго]. И я оставляю за собой право смягчить и отменить рабство там, где я его сохраняю; а также восстановить порядок и поддерживать дисциплину там, где я сохраняю свободу. Возможно, они [негры] производят меньше сахара, чем когда они были рабами, но они обеспечивают нам солдат и служат нам так, как нам нужно. У нас будет сахарным заводом меньше и дружественной крепостью больше [цит. по: *Dubois*, 2004a, p. 259].

Солдаты были важны для него, в том числе и на Антильских островах, где реформы привели к масштабному насилию и где царила общая уверенность, что Революция обернулась хаосом и варварством. Наполеон верил в порядок, в необходимость восстановления контроля над чернокожим населением, как бы сильно для того ни потребовалось урезать права человека [Dubois, 2004b, p. 323].

Я полагаю, что это настолько хорошее определение прагматичного подхода, какого только можно ожидать. Оно исходило от человека, у которого не было каких-либо глубоких убеждений или чувств по поводу моральности рабства, но который был готов приспособить свою политику к нуждам момента.

Ни разу до Ста Дней Наполеон не высказывал ясной и последовательной поддержки делу аболиционизма. В целом он предпочитал заботиться об экономических интересах Франции, как он понимал их, заняв сторону белых колонистов и купеческого сообщества. И, хотя полного единодушия по этому вопросу у купцов не наблюдалось, многие из них больше всего на свете желали восстановить всё, как было прежде, вернувшись во времена, которые они воспринимали как золотой век, — к прежним торговым схемам, в первую очередь к треугольной торговле с Западной Африкой и Антильскими островами. Те, кто заработал огромные деньги на работорговле в последние годы Старого порядка, те, кто пережил более двадцати тощих лет Революции, войны и английской блокады, ни о чем не мечтали так, как о мире. Мир означал возможность возобновить коммерческую деятельность, не боясь, что торговые суда подвергнутся нападению и будут захвачены вражескими военными кораблями или каперами. «Эта страна, — сказал префект департамента Нижняя Луара, имея в виду западную Францию, — нуждается лишь в надежном мире, и она сразу восстановит свои торговые связи» [Pétre-Grenouilleau, 2003, p. 131]. Многим было не слишком важно, какая власть обеспечит подобный мир, и представлялось, что с этой задачей лучше справятся Бурбоны, чем Наполеон. Мир означал торговлю и доход; многие мечтали, что вместе с миром вернется и работорговля, и прежнее процветание.

Умонастроения купечества

Впрочем, не надо впадать в преувеличение. Купцы французских портовых городов не были совсем невосприимчивы к призывам отказаться от работорговли, и несколько бывших торговцев неграми выбрали этот момент, чтобы навсегда бросить прежнюю деятельность и сосредоточить свое внимание на рынках, которые считали менее предосудительными. Кто-то сделал такой выбор, оценив, насколько выросли риски, связанные с работорговлей, на других повлияли идеалы Французской революции.

Наглядным примером служит нантский купец Тома Добре: в прошлом ведущий работорговец, он в эти годы перестал торговать с Антильскими островами. Состояние его семьи во второй половине XVIII в. было основано на сахаре, кофе и рабах, но его привлекала революционная политика, он читал просветителей и служил в Национальной гвардии Нанта. Когда возникла возможность вернуться к работорговле, Добре не воспользовался ею. В последние годы Империи он полностью покинул Карибское море, переключившись на другие регионы и другие товары. Добре занялся китобойным промыслом и торговлей мехами, а его корабли ходили главным образом в Индию и Китай. В свою очередь, его

сын, очарованный Дальним Востоком и миром, который ему помогла открыть торговля, стал ведущим коллекционером восточного искусства и благотворителем родного города [Archives Municipales Nantes. 8Z. Fonds Privés. Papiers Thomas Dobrée; подробнее об этих документах см.: Rouzeau]. Но Добре не был типичным представителем купеческой общины Нанта: многие нантские купцы продолжали мечтать о возврате к былым временам.

По словам одного из ведущих историков работорговли, большинство купцов не видели смысла вкладываться в другие отрасли и продолжали тосковать о порядках XVIII в. и жаждать их возвращения. «Утрата Сан-Доминго, революционные и имперские войны, самым жестоким образом разрушив мечты целого поколения, которое манил мираж рабовладельческой лотереи, привели к тому, что ценности Старого порядка глубже укоренились в обществе, а купеческое сообщество стало их идеализировать» [Pétre-Grenouilleau, 1996, p. 195]. Подобное состояние умов имело серьезные долгосрочные последствия для Нанта и других портов атлантического побережья.

Принуждение к аболиционизму

Благодаря победе над Наполеоном и Венскому конгрессу, на котором собрались руководители союзных держав, Великобритания получила уникальную возможность навязать другим странам, и прежде всего Франции, свои аболиционистские взгляды. С 1807 г. реформаторы вели борьбу за прекращение рабовладения не только в Британской империи, но и во всем мире. С точки зрения Томаса Кларксона, Уильяма Уилберфорса и многих других, они сражались за самое нравственное дело своего времени, и Англия была обязана оказывать давление на других европейских правителей [Fladeland].

В отмене рабства виделся могучий символ протестантской нравственности Англии, и аболиционисты призывали к действию, не желая, по их словам, нести «ответственность за вину» ничегонеделания. Дело отмены рабства было общемировым; в частности, Кларксон подробно изучал историю французского рабовладения и заботился о переводе своих книг и памфлетов на французский язык. Восстания рабов в Сан-Доминго обеспокоили аболиционистов и вместе с тем подарили им надежду [см., например: Clarkson]. На Венском конгрессе английские министры попытались, хотя без особого успеха, навязать свои нравственные взгляды всем странам, подписавшим мирный договор, в особенности Франции, которая в прошлом была их самой ожесточенной соперницей в Северной Атлантике. В парламенте шла отчаянная борьба. Для Уилберфорса, Кларксона и других ведущих аболиционистов дело отмены рабства было главным критерием оценки деятельности министра иностранных дел лорда Каслри и всего его министерства; для английского правительства оно стало вопросом пиара внутри страны и дипломатическим вопросом за границей. В лондонской прессе поднялся настоящий крестовый поход против рабства, а в парламенте борьбу против него вели квакеры и неконформисты [Forrest]. Отказываясь

от работорговли, Наполеон обращался и к ним тоже. Конечно, многие ему не поверили, сочтя изменение его позиции всего лишь хитроумным политическим ходом. Вероятно, они были правы.

Путь Франции к отмене рабства

На Венском конгрессе Франция, как и несколько других континентальных держав, приняли по крайней мере часть требований Ливерпуля. Например, Людовик XVIII согласился, что в течение трех лет Франция откажется от работорговли, но настаивал, что необходим переходный период, чтобы купцы и торговцы приспособились к новым правилам и нашли другие рынки. Впрочем, это не означало, что работорговле пришел конец: это означало лишь возросший риск для капитанов и их команд, и, в долгосрочной перспективе, снижение коммерческой привлекательности работорговли. Но, как отметил Серж Даже, некоторые капитаны и в 1830-е гг. продолжали курсировать по атлантическим морским путям со своим нелегальным грузом. Рискую, что их задержит встречный французский или английский военный корабль, эти суда скрывали свое истинное лицо, используя фальшивые документы и «удобные флаги», и незаметно проскальзывали в иностранные порты на пути обратно в Европу, чтобы избежать внимания французских властей. Лишь в годы Июльской монархии работорговля была действительно прекращена [см.: Daget].

Само же рабовладение, впервые отмененное во Франции в 1794 г., беспрепятственно существовало в антильских колониях Франции до самой середины XIX в.: в этом плане Франция не отличалась от других европейских держав и, конечно, от США, которым потребовалась Гражданская война, чтобы покончить с рабством. К середине XIX в. не каждый раб был обездоленным африканцем, рубящим тростник на плантации: согласно инспекционному докладу Марка-Антуана Фурниоля (Бастер, 1844), многие рабы занимались торговлей или находились в домашнем услужении, и всего одна треть чернокожего населения по-прежнему оставалась в рабстве (на 4 665 свободных негров приходилось 1 953 раба) [Fourniols, p. 7]. К этому времени борьба с рабовладением во Франции стала характерным требованием республиканцев — тех, кто видел себя хранителем традиции Прав человека и гражданина; поэтому, когда после революции 1848 г. во Франции установилась Вторая республика, депутаты немедленно вновь проголосовали за отмену рабства, утверждая, что речь идет о французской традиции, родившейся благодаря революции 1789 г. В их словах был смысл: в годы Июльской монархии речь об отмене рабства не шла, и маловероятно, чтобы аболиционисты добились своего без революции и восстановления республики [Jennings, 2000, p. 285–289].

Впрочем, Наполеон не занял почетного места в этой традиции. Деятельное участие в отмене рабства приняли депутаты и активисты-аболиционисты, и на фоне боровшегося за реформы Виктора Шельшера и принесших себя в жертву Туссена Лувертюра и Луи Дельгреса, героев Сан-Доминго и Гваделупы, Наполеон

со своим декретом 1815 г. выглядит довольно блекло. Более того, в своих разговорах с Лас Казом на острове Святой Елены он не приложил никаких усилий, чтобы улучшить этот аспект своей репутации. Он, казалось, не думал ни о чем, кроме Европы. Он стремился создать себе славу военного вождя Европы, и его взгляд, как и его амбиции, были прочно прикованы к европейскому континенту [см. беседы с ним Лас Каза на Святой Елене: *Las Cases*]. Он даже говорил о своих мечтах в отношении Европы, представляя себя человеком, который, следуя традиции Карла Великого, возглавляет единый континент, преобразованный Французской революцией, — континент, на котором широко распространились бы идеи свободы и прав человека [Le Gall, p. 201–203]. Другие вопросы и другие континенты занимали его куда меньше. Права человека для африканцев и законность работорговли были для него второстепенными соображениями, которые он, подобно многим своим соотечественникам, предпочитал игнорировать или обходить молчанием.

Источники

- Archives Départementales Loire-Atlantique. 1 ET A 27.
 Archives Municipales Nantes. 8Z. Fonds Privés. Papiers Thomas Dobrée.
 Bibliothèque Municipale La Rochelle. 11877 C. Précis sur l'importance des colonies et sur la servitude des Noirs. La Rochelle, 1789. P. 1–12.
Bonaparte N. Correspondance générale. 15 vols. Paris : Fayard, 2004–2018. Vol. 15.
Clarkson T. The True State of the Case, Respecting the Insurrection at St. Domingo. Ipswich : J. Bush, 1792.
Condorcet N. Réflexions sur l'esclavage des Nègres. Neuchâtel : La Société Typographique, 1781.
Las Cases E. de. Le Mémorial de Sainte-Hélène / ed. M. Dunan. 2 vols. Paris : Flammarion, 1951.
Raynal G.-T. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. 7 vols. The Hague : Gosse fils, 1774.

Исследования

- Branda P., Lentz T.* Napoléon, l'esclavage et les colonies. Paris : Fayard, 2006.
Chatillon M. La diffusion de la gravure du Brooks par la Société des Amis des Noirs et son impact // De la traite à l'esclavage: Actes du Colloque International sur la traite des Noirs / ed. par S. Daget. 2 vols. Nantes : Centre de recherche sur l'histoire du monde atlantique, 1988. Vol. 2. P. 135–147.
Daget S. Répertoire des expéditions négrières françaises à la traite illégale, 1814–1850. Nantes : Centre de Recherche sur l'histoire du monde atlantique, 1988.
Dahrymple W. The Anarchy: The Relentless Rise of the East India Company. London : Bloomsbury, 2019.
Debien G. Les colons de Saint-Domingue et la Révolution: essai sur le Club Massiac. Paris : Armand Colin, 1953.
Delobette É. La traite négrière dans la croissance atlantique havraise au dix-huitième siècle // Villes portuaires du commerce triangulaire à l'abolition de l'esclavage / ed. par É. Saunier. [Cahiers de l'histoire des mémoires de la traite négrière, de l'esclavage et de leurs abolitions en Normandie. 2008. Vol. 1]. P. 31–55.
Dubois L. Avengers of the New World: The Story of the Haitian Revolution. Cambridge MA : Harvard Univ. Press, 2004a.

Dubois L. A Colony of Citizens: Revolution and Slave Emancipation in the French Caribbean, 1787–1804. Chapel Hill : Univ. of North Carolina Press, 2004b.

Dwyer P. Napoleon Bonaparte as Hero and Saviour: Image, Rhetoric and Behaviour in the Construction of a Legend // French History. 2004. Vol. 18 (4). P. 379–403.

Eltis D., Richardson D. A New Assessment of the Transatlantic Slave Trade // Extending the Frontiers: Essays on the New Transatlantic Slave Trade Database / ed. by D. Eltis and D. Richardson. New Haven, CT : Yale Univ. Press, 2008. P. 1–60.

Fladeland B. Abolitionist Pressures on the Concert of Europe, 1814–1822 // Journal of Modern History. 1966. Vol. 38. P. 355–373.

Forrest A. The Hundred Days, the Congress of Vienna and the Atlantic Slave Trade // Napoleon's Hundred Days and the Politics of Legitimacy / ed. by K. Astbury and M. Philp. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2018. P. 163–181.

Fourniols M.-A. L'esclavage à Basse-Terre et dans sa région en 1844 vu par le procureur Fourniols. Gourbeyre : Société d'histoire de la Guadeloupe, 2000.

Gleijeses P. Napoleon, Jefferson, and the Louisiana Purchase // International History Review. 2017. Vol. 39 (2). P. 237–255.

Jennings L. C. French Reaction to British Slave Emancipation. Baton Rouge : Louisiana State Univ. Press, 1988.

Jennings L. C. French Anti-Slavery: The Movement for the Abolition of Slavery in France, 1802–1848. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2000.

Le Gall D. Napoléon et Le Mémorial de Sainte-Hélène: analyse d'un discours. Paris : Éditions Kimé, 2003.

Meaudre de Lapouyade M. Impressions d'un Allemand à Bordeaux en 1801 // Revue historique de Bordeaux. 1912. T. 5. P. 164–181, 229–255.

Pétre-Grenouilleau O. L'argent de la traite. Milieu négrier, capitalisme et développement: un modèle. Paris : Aubier, 1996.

Pétre-Grenouilleau O. Nantes, histoire et géographie contemporaine. Plomelin : Palantines, 2003.

Popkin J. A Concise History of the Haitian Revolution. Oxford : Wiley-Blackwell, 2012.

Poussou J.-P. Le dynamisme de l'économie française sous Louis XVI // Revue économique. 1989. Vol. 40. N 6 : Révolution de 1789 : guerres et croissance économique. P. 965–984.

Raynal's Histoire des deux Indes: Colonialism, Networks and Global Exchange / ed. by C. Courtney and J. Mander. Oxford : Voltaire Foundation, 2015.

Rouzeau L. Inventaire des papiers Dobrée, 1771–1896. Nantes : Bibliothèque Municipale, 1968.

Saugéra É. Bordeaux, port négrier, 18e–19e siècles: chronologie, économie, idéologie. Paris : Karthala, 1997.

Slave Revolution in the Caribbean, 1789–1804 / ed. by L. Dubois, J. D. Garrigus. Boston : Bedford St. Martin's, 2006.

Tsouras P. G. Napoleon and his words // Napoleon: The Final Verdict / ed. by P. J. Haythornthwaite. London : Arms and Armour, 1996. P. 280–290.

References

Branda, P., & Lentz, T. (2006). *Napoléon, l'esclavage et les colonies*. Paris: Fayard.

Chatillon, M. (1988). La diffusion de la gravure du Brooks par la Société des Amis des Noirs et son impact. In S. Daget (Ed.), *De la traite à l'esclavage: Actes du Colloque International sur la traite des Noirs* (Vol. 2, pp. 135–147). Nantes: Centre de recherche sur l'histoire du monde atlantique.

Courtney, C., & Mander, J. (Eds.). (2015). *Raynal's Histoire des deux Indes: Colonialism, Networks and Global Exchange*. Oxford: Voltaire Foundation.

Daget, S. (1988). *Répertoire des expéditions négrières françaises à la traite illégale, 1814–1850*. Nantes: Centre de Recherche sur l'histoire du monde atlantique.

- Dalrymple, W. (2019). *The Anarchy: The Relentless Rise of the East India Company*. London: Bloomsbury.
- Debien, G. (1953). *Les colons de Saint-Domingue et la Révolution: essai sur le Club Massiac*. Paris: Armand Colin.
- Delobette, É. (2008). La traite négrière dans la croissance atlantique havraise au dix-huitième siècle. In É. Saunier (Ed.), *Villes portuaires du commerce triangulaire à l'abolition de l'esclavage. Cahiers de l'histoire des mémoires de la traite négrière, de l'esclavage et de leurs abolitions en Normandie*, 1, 31–55.
- Dubois, L. (2004a). *Avengers of the New World: The Story of the Haitian Revolution*. Cambridge MA: Harvard University Press.
- Dubois, L. (2004b). *A Colony of Citizens: Revolution and Slave Emancipation in the French Caribbean, 1787–1804*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Dubois, L., & Garrigus, J. D. (Eds.). (2006). *Slave Revolution in the Caribbean, 1789–1804*. Boston: Bedford St. Martin's.
- Dwyer, P. (2004). Napoleon Bonaparte as Hero and Saviour: Image, Rhetoric and Behaviour in the Construction of a Legend. *French History*, 18(4), 379–403.
- Eltis, D., & Richardson, D. (2008). A New Assessment of the Transatlantic Slave Trade. In D. Eltis, & D. Richardson (Eds.), *Extending the Frontiers: Essays on the New Transatlantic Slave Trade Database* (pp. 1–60). New Haven, CT: Yale University Press.
- Fladeland, B. (1966) Abolitionist Pressures on the Concert of Europe, 1814–1822. *Journal of Modern History*, 38, 355–373.
- Forrest, A. (2018). The Hundred Days, the Congress of Vienna and the Atlantic Slave Trade. In K. Astbury, & M. Philp (Eds.), *Napoleon's Hundred Days and the Politics of Legitimacy* (pp. 163–181). Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Fourniols, M.-A. (2000). *L'esclavage à Basse-Terre et dans sa région en 1844 vu par le procureur Fourniols*. Gourbeyre: Société d'histoire de la Guadeloupe.
- Gleijeses, P. (2017). Napoleon, Jefferson, and the Louisiana Purchase. *International History Review*, 39(2), 237–255.
- Jennings, L. C. (1988). *French Reaction to British Slave Emancipation*. Baton Rouge: Louisiana State University Press.
- Jennings, L. C. (2000). *French Anti-Slavery: The Movement for the Abolition of Slavery in France, 1802–1848*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Le Gall, D. (2003). *Napoléon et Le Mémorial de Sainte-Hélène: analyse d'un discours*. Paris: Éditions Kimé.
- Meaudre de Lapouyade, M. (1912). Impressions d'un Allemand à Bordeaux en 1801. *Revue historique de Bordeaux*, 5, 164–181, 229–255.
- Pétre-Grenouilleau, O. (1996). *L'argent de la traite. Milieu négrier, capitalisme et développement: un modèle*. Paris: Aubier.
- Pétre-Grenouilleau, O. (2003). *Nantes, histoire et géographie contemporaine*. Plomelin: Palantines.
- Popkin, J. A. (2012). *Concise History of the Haitian Revolution*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Poussou, J.-P. (1989). Le dynamisme de l'économie française sous Louis XVI. *Revue économique*, 40(6: Révolution de 1789 : guerres et croissance économique), 965–984.
- Rouzeau, L. (1968). *Inventaire des papiers Dobrée, 1771–1896*. Nantes: Bibliothèque Municipale.
- Saugéra, É. (1997). *Bordeaux, port négrier, 18e–19e siècles: chronologie, économie, idéologie*. Paris: Karthala.
- Tsouras, P. G. (1996). Napoleon and his words. In P. J. Haythornthwaite (Ed.), *Napoleon: The Final Verdict* (pp. 280–290). London: Arms and Armour.

Форрест Алан¹доктор наук, почетный профессор

Университет Йорка,

YO10 5DD Йорк, Великобритания

²руководитель лаборатории

западноевропейских и средиземноморских исследований

Государственный академический

университет гуманитарных наук

119049, Москва, Мароновский пер., 26

E-mail: alan.forrest@york.ac.uk

Forrest, Alan¹Dr. Hab. (History), Emeritus Professor

University of York

York, YO10 5DD United Kingdom

²Head of Laboratory of the Western European

and Mediterranean Studies

State Academic University for the Humanities

26, Maronovski Ln., 119049 Moscow, Russia

Email: alan.forrest@york.ac.uk

ORCID: 0000-0002-2432-2819

Scopus AuthorID: 39764577700